КириллКобринКириллКобринКи-
риллКобринКириллКобринКирилл
Текстообработка
(исполнено
Брайеном
О'Ноланом,
А.А.
и
К.К.)

Кирилл Рафаилович Кобрин

Текстообработка (Исполнено Брайеном О’Ноланом, А.А и К.К.)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964728
Кобрин К. Текстообработка. (Исполнено Брайеном О'Ноланом, А.А. и К.К.): Водолей; Москва; 2011
ISBN 978-5-917630-84-7

Аннотация

Все, что есть в этой книге – тексты. Она состоит из них точно так же, как деревянная стружка состоит из дерева. А металлическая – из металла. Но эта книга не о том, ЧТО получилось, а о том КАК. Не о цели, а о процессе, об обработке текстов, о текстообработке. Так она и называется. На изготовление ее ушли сочинения двух литераторов, одного переводчика, одного художника и одного издателя. Никто из них не виноват в том, что получилось.

Содержание

Предуведомление (вместо инструкции по эксплуатации) 6
Часть 1 9
Флэнн О'Брайен 9
Комментарии 10
i 10
ii 10
iii 11
iv 12
v 13
vi 13
vii 13
viii 14
ix 15
x 15
xi 16
xii 18
xiii 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Кирилл Кобрин Текстообработка (исполнено Брайеном О'Ноланом, А.А. и К.К.)

Агентство *A.M. Heath* от имени *Estate of Flann O’Brien* великодушно разрешило опубликовать в этой книге отрывки из сочинений Флэнна О’Брайена, а художник *Виктор Пивоваров* — использовать свои рисунки для ее оформления.

Спасибо им!

© К. Кобрин, 2011
© Flann O’Brien, 1966
© Flann O’Brien, 1967
© А.Асланян (перевод), 2011
© Издательство «Водолей», оформление, 2011

Предуведомление (вместо инструкции по эксплуатации)

Из-за двери слышались равномерные звуки станка.
«Война и мир»

Скука, чудовищная скука при чтении современной беллетристики стала причиной нижеследующего литературного предприятия. В то время как в изящных искусствах, а также музыке, драматическом и комическом жанрах, не говоря уже о синематографе и всевозможных областях, основанных на бинарной цифровой системе (как-то: видеоарт, компьютерные затеи и проч.), короче говоря – в то время, когда везде мы видим буйные побеги новой жизни, бурление идей и мелькание свежих образов с совершенно невозможной в старые времена скоростью, здесь, в прозе, все замерло. Уснуло, свернувшись в уютный клубочек, который читателю столь приятно гладить, отдавая за это дело свои кровные. Вообразите себе современного композитора, сочиняющего под Чайковского. Или современного художника, мнящего себя новым Ма(о)не. Место таковым в поселковой филармонии, на бойкой распродаже живописи в точках скопления туристов («миленький пейзажик, не правда ли, любимый?» «ах, да, дорогая!» «давай его купим и повесим на стенку в нашем гнездышке!»). В общем, время ушло. В ходу другое, чудовищное, механическое, немилое, грубое, сентиментальное, какое угодно – сложное, например.

А в прозе все по-прежнему. Любовь, морковь, диалоги, сюжетные ходы, поистаскавшиеся, как сорокалетние группиз при героях хэви-металла. Даже, не побоюсь этого слова, описания природы. Или наоборот – смелые срывания покровов с так называемой «жизни»: правда-матка, свиноматка, шоколадка, аристократка скинула манатки. Кристально ясное зерцало, приставленное к нечистому копошению вещественности. Плоская радость узнавания: ого-го! да этот тип – вылитый Серега из соседнего двора! Ты помнишь, как мы с ним портвейн глушили под сырок, советский плавленый сырок, им заедал я портвешок. Тем отличается от Запада Восток. И вместе им не сойтись. В общем, в области человеческой деятельности, называемой «художественная литература», «проза», «беллетристика», все то же самое: романы под толстоевского или воингуэя (сэлиндгута тож), рассказы под чехочивера. В ходу маркес одиночества и по ком звонит трифонов. Апдейт апдайка и опера «Набокко». Скучно, господа. Стыдно и скучно.

Несмотря на революционную деятельность в минувшем столетии группы психопатов, параноиков и тяжелых мизантропов (упомяну лишь самых известных: г.г. К., П., Д., Б., Х., В., Б., Р.-Г., были также замечательные дамы В.В., Г.С., Н.С.), в прозе все осталось по-прежнему: жуликоватые простодушные сочинители ея убеждены, что «литература» является отражением «жизни», что из той же самой «жизни» они черпают свои жалкие «сюжеты», что пухлые их творения кого-то учат, преподают урок простакам и укрепляют (или расшатывают, что то же самое) общественную мораль. За это писателей любят, показывают (ненадолго) в телевизоре, творения продают в магазинах, обсуждают на Амазоне и дают за все это деньги. Wow!

Фигня это все, дорогие друзья. Полная и безоговорочная фигня. Романчики эти скверно пошиты из предыдущих романчиков. А предыдущие – из пред-предыдущих. Чем больше «пред-», тем хуже скроены, небрежнее пошиты, безвкуснее украшены. Чтобы произвести на свет божий достойное одеяние, надо иметь мужество признаться, что сделано оно не из облаков или платоновских архетипов, а из материи. Ткани. Пуговиц. Ниток. И чтобы пошить прекрасный костюм, надо обладать отличным воображением художника, тонким вкусом дизай-

нера и превосходным мастерством портного. Вот и писатель – тот, кто возится с текстами, а не с жизнью.

В этом смысле литератор должен понимать, что занят обработкой текстов – чужих и своих. Что сочинения он вытачивает, как говаривал князь Вяземский, «на ферстаке», в фартуке, как какой-нибудь масон, Фридрих II или Болконский-старший, усыпанный словесной стружкой, со стилом-рубанком в натруженных руках. Что не отражает он жизнь, как праздное зеркало на стене, а – уж простите за повторы – обрабатывает тексты. Текстообработчик он, наш честный литератор.

Авторы, принявшие участие в нижеследующей затее, по роду своих занятий – или по складу ума и течению жизни – отлично усвоили эту истину. Первый из них, ирландский писатель Брайен О'Нолан (он же Флэнн О'Брайен, он же Майлз на Гапалинь), всю жизнь занимался, собственно, текстообработкой. Будучи двуязычным, он превращал ирландскую традицию в английские книги («О водоплавающих», «Третий полицейский», «Трудная жизнь», «Архив Далки», сочиненные Флэнном О'Брайеном), английскую свифтовскую традицию – в ирландские книги («Поющие Лазаря» и ирландские фельетоны в "The Irish Times", написанные Майлзом на Гапалинь), в конце концов, он текстообработал собственный роман «Третий полицейский» в «Архив Далки», не говоря уже о газетных колонках, которые он – предвосхищая гениальный брежневизм «Экономика должна быть экономной» – слегка переделывал для того, чтобы напечатать в других изданиях. В помятом пиджаке, весь в лексических опилках, серо-синий от пиянства (мастеровые ведь изрядные пьяницы, не так ли?), он сошел в могилу в середине шестидесятых – и примерно в это же время появился на свет один из двух других наших текстообработчиков, а именно тот, кто пишет сейчас эти строки. Но речь сейчас не о нем.

Второй (вторая) текстообработчик – А.А. – переводчик; именно ей принадлежит переложение второй главы «Третьего полицейского» Флэнна О'Брайена и эссе Майлза на Гапалинь "Buchhandlung" на русский. О нет, они не почтовые лошади просвещения, они ремесленники – и ремесленники высшей пробы. Текстообработчики Божьей Милостью – вот кто такие переводчики! Они пилят, строгают, вбивают гвозди, покрывают лаком, они трудятся не покладая рук, выдавая потребителю товар, то штучный, то поточный, то москвошвей, то индпошив – но вещи, от которых невозможно отмахнуться! Они, переводчики, произвели на русский свет те книги, что окружают нас от детства до гробовой доски, от «Маугли» до романов Агаты Кристи и пособий по правильному питанию в старости. Воспоем же им осанну и перейдем к моей скромной особе.

Я, К.К. – литератор. То есть, не то чтобы вот «писатель» и уж тем более – «романист», прости Господи. Нет. Просто литератор, да и то не шибко настоящий, ибо писанию явно предпочитаю чтение. Вот в последнем обстоятельстве и таится разгадка нижеследующей затеи. Читать гораздо интереснее, чем писать; сочинительство вообще занятие утомительное и даже постыдное – так почему бы не заменить письмо чтением? И что такое чтение, как не обработка читаемого текста? Исходя из этой неопровержимой истины, Ваш Покорный Слуга и принялся за дело. В результате получилось некоторое количество слов. Как увидит Просвещенный Читатель, это количество делится на три части; каждая из них состоит из текста Брайена О'Нолана (под каким бы псевдонимом он ни скрывался), обработанного русской клавиатурой А.А., и текста К.К., который превращает переведенного на русский ирландца в гражданина мира, пишущего на языке Вяземского и Гаспарова. Каждая из глав демонстрирует различные технологические походы к текстообработке; если эстетическая ценность всего начинания может быть поставлена под вопрос, то методологическая – бесспорна. Пройдет несколько лет, я уверен, и каждая из нижеследующих глав будет подвергаться специалистами тщательнейшему разбору – и, конечно же, дальнейшей обработке.

Впрочем, хватит болтать. Истинные мастера немногословны. Засучим рукава – и за работу!

КК
05.08.2010

Часть 1
Способ текстообработки – комментирование

Флэнн О'Брайен
«Третий полицейский»[1]
Глава 2 (начало)

Де Селби мастер порассуждать на тему о домах.[2] *Череда домов представляется ему чередой неизбежных зол. Измельчание и деградацию рода человеческого де Селби приписывает растущему пристрастию оного к интерьерам и угасающему интересу к искусству выходить на свет Божий с тем, чтобы там и остаться. Последнее, в свою очередь, видится ему следствием развития таких сфер деятельности, как чтение, игра в шахматы, пьянство, матримония и им подобных, большинством из каковых невозможно полноценно заниматься на природе. В другом сочинении*[3] *у него встречаются следующие определения дома: «большой гроб», «лабиринт» и «ящик». Как несложно заметить, возражения его относились главным образом к замкнутому пространству, ограниченному крышей и четырьмя стенами. Он приписывал не всегда целиком оправданные терапевтические качества – в основном легочного характера – определенным постройкам собственной конструкции, которые называл «обиталищами»; наброски их чертежей сохранились на страницах «Сельского альбома». Постройки эти были двух видов: «дома» без крыши и «дома», лишенные стен. У первых имелись двери с окнами – широкие, распахнутые, – а поверху, для защиты от непогоды – чрезвычайно несуразная конструкция из брезента, свободно намотанного на балки. Все это вместе походило на затонувший парусник, возведенный на каменной кладке, а также – на место, где никому не пришло бы в голову держать и скотину. В другого рода «обиталищах» имелась традиционная шиферная крыша, зато отсутствовали стены, не считая одной, возводить каковую полагалось с наиболее ветренной стороны; по остальным же располагались непременные брезентовые полотнища, свободно намотанные на валики, свисающие с водостоков на крыше; всю конструкцию окружали миниатюрный ров или яма, несколько напоминающие армейский нужник. В свете современных теорий жилья и гигиены несомненно то, что по части этих идей де Селби глубоко заблуждался. Тем не менее, в его времена, ныне столь отдаленные, в жилищах этих, опрометчиво последовав его совету в погоне за здоровьем, нашел свой конец не один больной*[4].

---

[1] *Flann O'Brien, The Third Policeman, Flamingo 1993.* Все переводы отрывков из трудов Флэнна О'Брайена сделаны Анной Асланян специально для этого издания.

[2] *«Золотое время», ii, 261.*

[3] *«Сельский альбом», 1034*

[4] *Ле Фурньер, надежный источник французских комментариев (см. "De Selby – l'Enigme de l'Occident"), выдвинул относительно этих «обиталищ» любопытную теорию. Он высказывает предположение о том, что, работая над «Альбомом», де Селби прервался на каком-то трудном пассаже. Обдумывая его, он рассеянно предавался занятию, известному под названием «рисование каракулей», а после отложил свою рукопись в сторону. Взявшись за нее в следующий раз, он увидел перед собой скопление диаграмм и чертежей, каковые принял за планы особого рода жилища – того, что всегда представлялось ему в мыслях, – и тут же написал множество страниц с пояснениями к этим рисункам. «Никоим иным образом, – добавляет суровый Ле Фурньер, – столь прискорбный ляпсус объяснить невозможно».*

Комментарии

i

«ДЕ СЕЛБИ». Просто удивительно, сколько Selby находится прямо сейчас в нашем мире. В Сарасоте, штат Флорида, пышным цветом цветут (см. перевод латинского названия этого штата) Ботанические сады Мэри Селби. Некая Джоанна Белл сочиняет умопомрачительные романы под псевдонимом, взятым из названия этих роскошных садов; среди сочинений Мэри Селби – «Крыло и молитва», вышедшее в британском издательстве "C-books". Книгу, изданную в 1996 году, еще можно купить у букинистов за смехотворную цену в 61 пенс. Торопитесь!

Там, где цветет литература, неизбежно льется вино. В Калифорнии есть винодельня Selby Winery, названная в честь основательницы, Сюзи Селби. Сама Сюзи утверждает, что к нектару богов ее пристрастил отец: «От отца мне стало известно, что вино есть комбинация искусства, науки и природы». Прекрасно сказано, не правда ли? Де Селби был бы в восторге от этой фразы; впрочем, он поставил бы заглавные буквы: Искусства, Науки и Природы. Вот так, в стиле незабвенного XVIII века, чьим прямым потомком в натурфилософии был наш дерзкий и методичный мыслитель. Но вернемся к виноделию. В Selby Winery можно прикупить вполне приличный «Совиньон Блан», а розовый «Сира» напоминает знатокам провансальский «Бандоль». Весьма недурно, дорогой читатель, не правда ли? Наконец, в Портлэнде производят «Обувь Селби» (на наш непросвещенный взгляд, довольно уродливую), а в фильме «Монстр», где блистает неподражаемая Шарлиз Терон, столь же неотразимая Кристина Риччи играет ее любовницу по имени Селби Уолл. Но все это разнообразные «Селби» без благородной дворянской частички «де»: садовники, литераторы, виноделы, сапожники и лесбиянки. «Де Селби» – один, не считая, конечно, жалкой копии, сработанной неким Робертом Энтоном Уилсоном, в романе которого великий философ (о ужас!) даже вступает в связь сексуального характера с бывшей любовницей Гертруды Стайн. Впрочем, чего ждать от человека, которого общество «Дискордианцев» провозгласило разом Епископом, Папой и Святым дискордианизма… Естественный шаг для людей, которые считают «порядок» и «хаос» иллюзиями одного уровня. Можно себе представить, что сказал бы на это сам де Селби!

ii

«ДОМА». Нам ничего не известно о национальности нашего философа, однако будет не слишком смелым шагом предположить, что он – истинный сын ирландского народа. Как станет ясно из дальнейшего изложения, де Селби, мягко говоря, недолюбливал такой феномен материальной культуры, как «дом». В этом можно услышать отголосок неистового руссоистского призыва, обнаружить влияние русского графа-землепашца и даже – провозвестие будущих грязноволосых хиппи 1960-х и орюкзаченных номадов 2000-х в широких штанах защитного цвета, снабженных многообразными вместительными карманами. Все это так (хотя бы отчасти), и все это ждет будущего исследователя – не чета тем графоманам, о которых рассказывает автор «Третьего полицейского». Между прочим, Александр Моисеевич Пятигорский, прочитав эту книгу за несколько месяцев до смерти, назвал ее «одним из немногих истинно философских романов XX века». Однако не оставим в стороне и серьезный историко-антропологический анализ взглядов де Селби.

Введем в наше рассуждение гипотезу: де Селби был ирландец. Тогда его «антидомовый пафос» становится вполне понятен. Ирландцы до появления на острове хищных, жадных и жестоких англо-нормандцев городов не строили, постоянных жилищ тоже старались не заводить. У них были духовные центры, позже – монастыри, но все они представляли собой скопище низеньких хижин, амбаров – или лабиринты пещер в труднодоступных местах. Идея постоянной жизни под крышей и внутри четырехугольника (многоугольника, овала, круга) стен представлялась древним ирландцам не только вздорной, но и опасной. Чтобы не быть голословными, позволим себе процитировать отрывок из древнего ирландского прозаического эпоса. История называется «Опьянение уладов», повествует она о борьбе этих самых уладов с племенем коннахтов, а также о том, что происходило между самими уладами, среди которых, кстати говоря, жил тот самый герой Кухулин, чьим фирменным боевым приемом был «бросок лосося из-под воды». Что значит этот лосось и как он бросался из-под воды, сказать сейчас не может никто, но в древние времена Кухулин, оснащенный таким гаджетом, был непобедим.

Однако мы позабыли о домах! Отрывок из «Опьянения уладов» звучит так: «И вот расположились улады для отдыха в том доме. Пришли к ним слуги и разожгли в доме огонь. Принесли им много еды и пива. Но по мере того, как приближалась ночь, слуги и виночерпии потихоньку по одному выходили из того дома, а последний из них незаметно вышел прочь, заперев за собой дверь. И тогда дом опутали семью железными цепями, а дверь приперли семью каменными столбами, что ранее лежали вокруг на зеленом лугу. Трижды по пятьдесят кузнецов собрались со своими мехами, чтобы раздувать огонь вокруг дома. Три круга заграждений сделали вокруг дома, и огонь стал разгораться со всех сторон, так что непереносим стал жар снаружи и внутри дома». Итак, дом – ловушка, куда заманили отважных уладов, напоили их пивом, чтобы потом зажарить на предательском огне. Счастье, что с уладами был Кухулин, он-то быстро справился с преградами и все закончилось к вящему удовольствию хороших парней. Но философ демократической эпохи, когда уже нет героев, подобных метателю лосося из-под воды, должен задаться вполне резонным вопросом: «Если доблестные улады, предводительствуемые самим Кухулином, еле вырвались из ловушки под названием "дом", то обычный добрый ирландец, какой-нибудь Патрик или Пэдди, он-то точно заживо изжарится на кострах врагов?». Вот отсюда у де Селби и берет начало сокрушительная критика обычая строить полноценные дома; здесь наш философ продолжает древнюю национальную традицию. Разве иностранцу, какому-нибудь Ле Фурньеру дано понять это?

iii

«ЗЛО». Проблема «зла» в рассуждениях насчет де Селби завуалирована, судя по всему – намеренно. И действительно, в «Третьем полицейском» описана ситуация «преступления и наказания», только не в морально-психологическом контексте и совсем не с христианской точки зрения, а с какой-то совсем иной, заставляющей вспомнить аналитическую философию и даже Людвига Витгенштейна. Герой, совершивший убийство и одержимый жаждой денег, попадает в странные ситуации, каждая из которых представляет собой неразрешимую логическую загадку, чаще всего сводящую с ума своей параноидальной последовательностью. В этом мире нет ни добра, ни зла – лишь логика рассуждения и простейшая метафизика, мастером которой, как мы видим, и был де Селби. Что это? Логический ад? Или царство Зла, куда мы, чуть что, ослабив оборону, мгновенно погружаемся? Вот совершенно непраздный вопрос, который задает себе любой чуткий читатель «Третьего полицейского». Однако не будем заранее раскрывать карты. Обратим внимание на это, казалось бы, вполне невинное выражение «неизбежное зло», промелькнувшее в рассуждении об отношении де Селби к домам. Если оставить в стороне банальное, вульгарное, профанное значение этого слово-

сочетания, то мы оказываемся в мире самого настоящего гностика. Обычный человек, даже обычный христианин считает Зло злом (с маленькой буквы), какой-то мерзкой нечистью, вроде крыс или тараканов, которая заводится там, где ощущается нехватка Добра. Зло – возникает при нехватке Добра, и ничего больше; более того, стоит присыпать Добром почву, пораженную злом, и все будет хорошо – дуст Добра непременно выведет паразитов зла. *Зла можно избежать.* Гностик думает совсем по-иному. Для него зло есть Зло, и оно неизбежно, как дома в рассуждении де Селби. Зло столь же онтологично, как и Добро, оно в своем праве; более того, его стоит уважать так же безусловно, как и Добро. Последнего, кстати говоря, довольно мало в нашем мире, и его позиции следует защищать не покладая рук. Что, собственно говоря, де Селби и делает в случае с домами. Как предстоит обнаружить просвещенному читателю, наш философ, прекрасно понимая всю злокозненность построек со стенами и крышей, все-таки не отказывается от *всего* с ними связанного; он безусловно уважает это самое *неизбежное зло* как один из двух главных столпов нашего мира, оттого и предлагает компромиссы один комичнее другого. Комизм рационализаторских затей де Селби кроется в природе человеческой глупости и недомыслия, а не в основаниях его суровой монолитной мысли. «Великий гностик» – вот как следовало бы его называть, даже, пожалуй, «Великий Гностик Метафизики»; любые, самые превосходные степени не могут описать всего восхищения и даже преклонения, которое испытывают истинные знатоки перед отважным философом.

iv

«ДЕГРАДАЦИЯ». Этот неожиданный поворот мысли ставит под вопрос все написанное и подуманное нами о де Селби. «Измельчание», а тем более «деградация» – понятия совсем не из арсенала ни истинного гностика, ни настоящего метафизика. Здесь мы сталкиваемся с мифологическим сознанием в самом чистом, незамутненном виде. Предполагается, что некогда человек имел счастье жить в Золотом веке, за которым последовал уже не столь блестящий, но все равно замечательный век Серебряный, за Серебряным наступил Бронзовый, который можно счесть даже вполне ничего, приличным, несмотря на серьезные пороки его и явное ухудшение общей обстановки. Из какого века де Селби рассуждает о современной ему деградации? Из «Железного»? «Свинцового»? «Деревянного»? Сложно сказать. Очевидно одно: либо философ намеренно вводит нас в заблуждение касательно собственных взглядов (а мы и рады клюнуть на сию приманку!), либо в его мировоззрении есть некий запасной вариант мироздания, который включается, когда два других по каким-то причинам теряют напряжение. Скажем, подкачал вариант «гностицизма», а в «метафизике» внезапно сдох источник питания. Вот тогда-то на поверхность и всплывает рассуждение о деградации рода человеческого, совершенно невозможное при работе остальных версий философии де Селби.

С другой стороны, можно предположить, что идею «деградации» мыслитель вводит в качестве неправдоподобной гипотезы, чтобы, обсуждая ее, лишний раз продемонстрировать свой богатейший аналитический инструментарий, а потом с блеском отвергнуть собственное же утверждение. Сказать сложно, так как в дальнейшем изложении эта тема вообще не появляется – отсюда у меня возникла еще одна версия. Не исключено, что перед нами – намеренная цитата из неизвестного нам (или обобщенного) античного автора, что де Селби вдруг решил поупражняться в историзме, вообразив себя философом эпохи позднего эллинизма, когда в хождение было пущено немало самых причудливых философских и религиозных концепций – чего стоит скандальная идея «непорочного зачатия», придуманная где-то на Ближнем Востоке и окончательно сформулированная уже греческими авторами. Наконец, можно предположить, что де Селби примеряет на себя мушкетерский плащ одного из героев

известного романа Александра Дюма-отца – того самого сильно пьющего графа, носящего в качестве псевдонима название греческой горы; этот герой как-то заметил: «мы – карлики на плечах титанов». Специалист по средневековой литературе тут же укажет на истинный источник этой сентенции, но мы, будучи людьми светскими, не будем мучить читателя дальнейшими изысканиями в цветущих дебрях истинной учености.

v

«СВЕТ БОЖИЙ». Ура! Мы возвращаемся к гностической идее онтологичности Добра и Зла, каждое из которых имеет даже некую – свою – территорию. Согласно де Селби, любой дом есть территория Зла, область Добра начинается за порогом, там, где царствует Свет Божий. Отметим также совершенно томистское уподобление Света Божьего, который есть не что иное, как Разум и Истинное Знание, территории безусловного Добра. Этим, кстати, объясняется и – на первый взгляд, совершенно старомодный – просветительский пыл де Селби; мы-то думали, что перед нами метафизик в вытертом сюртуке начала XIX века, а оказалось, что он – последователь Аквината… Каков наш философ!

vi

«ЧТЕНИЕ». Антикультурный пафос роднит де Селби с Руссо, и это ставит еще один вопрос, но уже не о, собственно, философии нашего мыслителя, а о его стратегии – как мышления, так и поведения. На что он вообще рассчитывал, этот де Селби? Кем он хотел стать? Маргинальным любителем порассуждать на разные темы? Подпольным философом, которого изумленное человечество откроет уже после его смерти – и содрогнется от ясности и провидческой силы позабытого гения? Властителем дум? Идеологом? Вот последний-то вариант и представляется самым вероятным. Нет-нет, де Селби не мечтал о лаврах, увивающих Марксов серп и Энгельсов молот, он думал, конечно же, о великом мастурбаторе, педагоге, публицисте, пропагандисте теории «общественного договора». Он чистил себя под Руссо – да так тщательно, что вычистил все намеки на возможное родство душ с автором «Новой Элоизы». Нам же остается лишь реконструировать яростный руссоизм де Селби по случайным намекам вроде этого.

vii

«ИГРА В ШАХМАТЫ». Совершенно непонятно, почему де Селби считает игру в шахматы занятием, которому можно предаваться исключительно в четырех стенах. Прежде всего, напомню о существовании старинной мифологической традиции, согласно которой герои (или даже боги) играют в шахматы (или в похожую на шахматы игру) под открытым небом; более того – некоторые из них в качестве фигурок используют живых людей, чаще всего – воинов. Не стоит забывать и о почтенной культурной практике, согласно которой великие полководцы разыгрывают не сражение, а шахматную партию; теория эта вызывала живейшее недовольство Льва Толстого, однако трудно отказать ей в верности хотя бы в отдельных исторических случаях. Военное искусства Запада с некоторых времен тяготело к «шахматной форме» – кампании вели немногочисленные профессиональные армии, где каждый солдат был дорог и находился на особом учете. Оттого полководцы «эпохи кондотьеров» XV-го века или «войн за европейские наследства» XVIII-го предпочитали решать исход войны искусным маневрированием, а уж если дело доходило до сражения, то нередки бывали случаи, когда противники, трезво взвесив все сильные и слабые стороны друг друга, единодушно присуждали победу наиболее достойному. Это разумное челове-

колюбивое ведение войны было, увы, отвергнуто, как только в ход большой истории вмешались народы. Свергнув законные монархические режимы, французы, итальянцы, немцы заявили о необходимости вооружить граждан, о больших национальных армиях, о необходимости возложить сотни тысяч жертв на алтари свободы. Воистину, где является Свобода, там кончается мирная, разумная, тихая жизнь! О, как мы сегодня понимаем Шатобриана, Жозефа де Местра и даже политическую публицистику Тютчева!!! Где те блаженные времена, когда священнослужители молились и блудили, дворяне сражались и блистали, а простой народ трудился на ниве прогресса, приращения материального достатка и создавал нехитрые творения здоровой крестьянской и городской культуры? Где?!

viii

«ПЬЯНСТВО». Грегоровиус ("Fugas rerum, securaque in otia natus") решительно проводит различие между «пьянством в четырех стенах» и «пьянством под открытым небом». Первое характеризуется им как «отвратительное порождение мещанской цивилизации», во втором он видит «прекрасный обычай наших предков». Отсутствие должного количества кислорода в помещении, где доблестные мужи и их прекрасные подруги предаются возлияниям, оказывает на них, согласно этому просвещенному автору, прискорбное воздействие: «их нутряные жилы сжимаются, стягиваются, кровеносные сосуды лопаются, отчего на носу (и по всему лицу, увы, тоже) проступают багровые пятна». Общая затхлость атмосферы, изобилие молекул перегара и тяжких испарений от возбудившихся тел приводит к тому, что пиянствующие перестают замечать вкус вина, прихлебывают его слишком часто, бездумно, не дожидаясь здравиц, произносимых вождями, бардами и старейшинами. Так зарождается социальный непорядок, который потом выливается в отрицание существующего строя, революции и прочие пагубные последствия. Грегоровиус отмечает также негативное влияние «пьянства в четырех стенах» на общественную мораль в области отношений между полами. Будучи охвачены похотью, пиянствующие совершают прелюбодеяния прямо здесь, у пиршественного стола, на глазах у почтеннейшей публики, которая сопровождает сие одобрительными или уничижительными ремарками, несдержанными выкриками, издевательскими советами, а также непристойными жестами. Эти жесты настолько поражают воображение представителей подрастающего поколения, что некоторых из них совершенно невозможно оторвать – когда тому приходит срок – от материнской груди; бедные малютки норовят спрятаться от ужасов грубого мира взрослых за телом матери. Это соображение, увы, совершенно ускользнуло от Зигмунда Фрейда, который намеревался посвятить специальную работу психоаналитическим аспектам этих двух видов пьянства, однако тяжелая болезнь, сведшая его в могилу, не дала реализоваться планам великого ученого.

Что же до «пьянства под открытым небом», Грегоровиус находит в нем все те добродетели, которые являются оборотной стороной возлияний в закрытом помещении. Особенное внимание он обращает на природные ландшафты, расстилающиеся перед глазами тех, кто неторопливо осушает свои кубки, бокалы, стаканы и рюмки на свежем воздухе. По мнению исследователя, величие и покой Природы внушают пиянствующим мысль о собственной причастности к Божьему Творению и отбивают всякое желание осквернить случайным совокуплением (один русский переводчик дал любопытный вариант этой формулы: «осквернить внеплановым перепихоном») высокую гармонию земли и неба. Грудные младенцы также довольно быстро отвлекаются от источника своего наслаждения и питания, они во все глаза наблюдают полет птиц, прыг-скок кузнечиков, они следят глазами изгиб травинки, шевеление листа на вековом дубе, прислушиваются к шелесту тучной нивы, волнуемой легким ветерком. В библиотеке де Селби (см. ее подробное описание, сделанное по заказу Сведенборговского общества: «De Selby: Liber, Librarium, Librium") хранится затре-

панный экземпляр "Fugas rerum, securaque in otia natus" Грегоровиуса, однако, когда мы имеем дело с нашим философом, сложно установить точную причину такого физического состояния того или иного издания (проблема обращения с книгами подробно разбирается в колонке известного в свое время ирландского фельетониста Майлза на Гапалинь, озаглавленной *Buchhandlung*. Отсылаю просвещенного читателя к ней). Сие может быть как следствием простодушного предпочтения, отдаваемого хозяином библиотеки именно этой книге, так и плодом хитроумного плана, целью которого является ввести в заблуждение окружающих и потомков. Но нас-то на мякине не проведешь, не так ли, дорогой читатель?

ix

«МАТРИМОНИЯ» (см. *«пьянство»*). Все имеющее отношение к пьянству прямиком связано с матримониальными узами. Браки, рождение и крещение детей, поминки по супругам – все сопровождается потреблением разнообразных хмельных напитков. В свою очередь, их неумеренное потребление в четырех стенах ведет к несдержанному проявлению сластолюбия, которое, в конце концов, оборачивается браками, рождением и крещением детей, а также поминками. Круг замыкается – точно так же, как замкнуты стены настоящего дома. Так что де Селби прав – впрочем, как всегда.

x

«БОЛЬШОЙ ГРОБ». Сложно сказать, на какое именно прочтение рассчитывал де Селби. С одной стороны, уподобление «дома» «гробу» глубоко укоренено в европейской, особенно христианской, культурной традиции. В доме живут живые, в гробу обитают мертвые. Первые объективно стремятся (и неумолимо движутся!) к тому, чтобы переехать в обиталище вторых. Вторые – если следовать за христианским учением – ждут-не-дождутся, чтобы переселиться из гроба куда-то еще, в окончательное жилище, где бы оно ни находилось, в Раю или в Аду (или уж, на худой конец, в Чистилище, которое, впрочем, тоже есть временный вариант прописки). Иными словами, и «дом», и «гроб» – не вечны; даже в атеистическом сознании могила есть промежуточное состояние перед окончательным растворением в Природе. Получается, что для де Селби нет оппозиции «постоянный дом»/«временное убежище от непогоды и холода», его возмущение и холодную ненависть вызывают лицемеры, считающие «дом» чем-то устойчивым, феноменом социального и экзистенциального успокоения и довольства. От этой позиции нашего философа так и несет самым оголтелым романтизмом. Вот за это мы и любим де Селби – благонамеренный просветитель оказывается метафизиком, почтенный метафизик оборачивается яростным руссоистом, руссоист – просто-таки байронической личностью.

С другой стороны, протест против «дома-гроба» можно рассматривать как еще одно проявление вечной тяжбы де Селби со смертью. «Дом» провонял смертью – вот что хочет сказать мыслитель; давайте проветримся на свежем воздухе, глядишь, тогда мы будем жить вечно. Кажется, никто столь аргументировано и страстно не опровергал принцип, лежащий в основе нашего отношения к смерти и бессмертию; ведь мы по обыкновению считаем, что «построенное на века» есть преодоление конечности человеческого существования. Древние египтяне городили свои пирамиды, эти дома мертвых, чтобы отвергнуть саму идею исчезновения (или уничтожения); в новейшее время не сыскать более резкого и убедительного критика высокомерных фараонов, чем де Селби. Пирамиды – следы, которые оставляет смерть в человеческом мире, и только жизнь за пределами стен может вылечить нас от неизлечимой болезни исчезновения. Дай де Селби волю, он снес бы всю эту каменную рухлядь,

где бы она ни находилась – в Египте или Мексике. Думаю, что даже к идее воспетого поэтами «нерукотворного памятника» он относился с заслуженным подозрением.

xi

«ЛАБИРИНТ». До нас дошло бесценное свидетельство служанки де Селби – записки некоей Дженни Коннор; точнее, даже не «записки» (женщина была неграмотна), а записанные поклонником философа Эндрю Беллом ее рассказы о том, как был устроен быт в доме нашего героя. Не удивляйтесь, да-да! в «доме»! Надеюсь, читатель не разделяет вульгарной идеи о так называемом «практическом применении» философских постулатов в повседневной жизни. Нет ничего более глупого, чем считать, что, скажем, Сократ на вопрос одного из учеников «Где мы сегодня собираемся?» отвечал согласно известной своей максиме: «Я знаю, что ничего не знаю!», а в ответ на недоуменный взгляд юноши добавлял: «Но я знаю больше других, ибо они не знают и этого!». Боюсь, в таком случае великий философ пил бы свою цикуту в полном одиночестве. Или представим, как Вольтер, прогуливаясь по Парижу, бросается на первого встречного аббата или кюре, низвергает его на мостовую и принимается приплясывать на поверженном теле, деловито бормоча «Раздавите гадину… раздавите гадину…». В конце концов, если «ад – это другие», то почему Сартр так охотно проводил в аду кафе на бульваре Сен-Жермен свою жизнь?

Иными словами, нет ничего удивительного в том, что известный ненавистник домов де Селби жил в доме, причем собственном. Это был коттедж на западе Британии, в Уэльсе, около небольшого городка Абериствит Дом достался ему по наследству; более того, все скромные доходы философ тратил на поддержание своего обиталища в идеальном порядке. Бедная Дженни проводила сутки, пытаясь обнаружить и уничтожить пыль в самых потаенных закутках коттеджа, медные ручки надраивались до немыслимого блеска каждый Божий день (де Селби, будучи весьма религиозным в быту, разговаривал со служанкой почти исключительно библейскими цитатами). В остальном он был скромен. Вставал в восемь часов утра и пил кофе (континентальная привычка, которой он обзавелся в юности во время трехдневного пребывания в Париже в рамках Grand Tour. Недруги утверждают, что другой вещью, которой обзавелся де Селби в столице всего изящного, была неприличная болезнь, навсегда отвадившая его от интимных отношений с противоположным полом, однако мы не будем тратить драгоценное время на опровержение нелепых домыслов. Заметим только, что путешествовал будущий философ в сопровождении дядюшки, который, подарив племяннику возможность изучить великое культурное наследие континента, благородно защищал его от всех возможных искушений большого города. Иными словами, юный де Селби ни на секунду не исчезал из виду старшего родственника; они никогда не расставались: ни в Лувре, ни в Версале, ни в «Мулен-Руж», ни в знаменитом борделе на рю Бонапарт, описанном в бессмертном анонимном путеводителе "Parifornication"). После чего философ выходил на ежедневную прогулку к берегу залива Святого Георгия. Дорога его проходила мимо Абериствитского колледжа Университета Уэльса; каждый раз, обходя это эдвардианское здание, де Селби смачно плевал в его сторону и отворачивался. В записках Дженни Коннор, увы, нет никаких объяснений такому поведению; можно лишь предположить, что злостное непризнание академическими философами его вклада в сокровищницу мысли огорчало нашего героя: уж кто-кто, а он-то знал и истинный масштаб собственной личности, и цену своим воззрениям! К тому же, Коннор утверждает, что эта ежедневная процедура успокаивала несколько раздраженные (утренним кофе, этим дьявольским напитком лягушатников, по мнению невежественной служанки) нервы де Селби и настраивала его мысли на нужный лад. И действительно, дойдя до абериствитской набережной, философ обычно садился на скамейку и – при любой погоде! – задремывал. Освежившись дневным сном, мыслитель направлялся в

паб «Корабль и Замок», где подкреплял силы двумя-тремя пинтами прекрасного местного эля. Здесь же де Селби наблюдал местные нравы и черпал вдохновение для своих книг. Не исключено, кстати говоря, что идея злокозненности домов пришла ему в голову именно в «Корабле и Замке»: имеются свидетельства того, что он вел долгие разговоры с фермерами, специализировавшимися на разведении овец. Все знают, что скотоводство было исконным сельскохозяйственным занятием валлийцев, которые – будучи вынуждены на лето отгонять скот на горные пастбища – не очень ценили уют постоянных жилищ, до которых они, впрочем, вообще не были большими охотниками. Как и в Ирландию, в Уэльс обычай возводить дома с крепкими стенами принесли англо-нормандские оккупанты, отсюда и подозрительность местных жителей (истинных патриотов!) к гражданской и военной архитектуре. Впрочем, сегодня валлийцы с лихвой отомстили захватчикам: дерут непомерные деньги за осмотр замков и церквей, построенных их, туристов, предками. В результате высокомерный и грубый англичанин расплачивается за жестокости, совершенные на валлийской земле разными Монтгомери, Клари и Фицджеральдами. Справедливость торжествует.

Но мы забыли нашего де Селби! Вот он расплачивается у стойки и бодрой, хотя несколько нетвердой походкой выходит на абериствитскую улицу. Путь его снова пролегает мимо колледжа, однако, занятый собственными мыслями, философ не обращает на него ни малейшего внимания: он что-то бормочет себе под нос, издает неясные восклицания, иногда даже насвистывает залихватскую мелодию. Прогулка явно укрепила его силы и дала пищу для размышлений. К тому же, дома его ждет и пища материальная: Дженни хлопочет на кухне, аромат йоркширского пудинга наполняет коттедж. Давайте воспоем интеллектуальное мужество нашего героя – обитая в столь уютном доме, полном милых черт давно ушедшей старины, он в своих сочинениях отринул все это ради дерзкой попытки соревноваться с самой Смертью!

Свежий морской воздух, йоркширский пудинг в сопровождении непременной пинты-другой портера, заинтересованное обсуждение с мисс Коннор состояния домашнего хозяйства – все это размягчало суровые черты лица де Селби и настраивало его на более снисходительный лад. Дженни вспоминает тонкие шутки философа и непринужденные розыгрыши, которыми он любил развлекать ее. К сожалению, служанка не приводит ни одной из острот, не рассказывает она и о том, в чем состояли эти невинные проказы. Обо всем этом нам остается только догадываться, смиренно склоняя голову перед великим «не дано знать!». Так или иначе, утомившись веселой возней, де Селби отправлялся подремать в гостиную, служившую ему и библиотекой, и кабинетом. Дженни тихонько прикрывала дверь комнаты и отправлялась на кухню – мыть посуду и готовить чай. Наш философ явно не был согласен со Львом Толстым, считавшим послеобеденный сон «серебряным», а дообеденный – «золотым». Де Селби, мыслитель отважный и не боявшийся авторитетов, дерзко бросил вызов русскому графу-моралисту, пустив в хождение в своей жизни и серебряную, и золотую валюту разом. И он преуспел в этом! «Трудно даже передать, – повествует Дженни Коннор, – насколько деловым и энергичным был хозяин, когда я тихонько вносила в гостиную поднос с чаем и ромом». Философ приветствовал служанку коротким восклицанием, спускал ноги с дивана (одна из любопытных привычек его заключалась в том, что он снимал башмаки и верхнюю одежду только перед отходом к ночному сну – да и то не всегда) и подходил к столику, где уже были сервированы его любимые напитки. Да, он пил кофе по утрам – в знак уважения к Вольтеру, Руссо и Огюсту Конту, – но в другое время суток только чай мог согреть его и вернуть остроту мысли. Дженни не жалела дров, чтобы в коттедже было тепло (и даже иногда получала нагоняй от хозяина за расточительство), но де Селби все равно мерз – оттого добавлял ром в ароматный настой чайных листьев. Иногда это не помогало, и он переходил на чистый ром, способствуя тем самым процветанию хозяйства далеких стран Западного полушария.

Вечера де Селби проводил дома. Он сидел у пылающего камина, погруженный в собственные мысли: ноги вытянуты к огню, одна рука подпирает голову, другая вольно свисает, глаза полузакрыты, а то и вовсе закрыты. За окном шумит ветер, Дженни отправилась навестить кузена в соседнюю деревню, чай в чашке остыл, ром выпит. Ничто не мешает работе мощного ума – и ничто так не возбуждает аппетит, как созерцание очага. Де Селби встает и нерешительно, держась за мебель, отправляется на кухню. Увы! холодными остатками пудинга уже беззаботно лакомится кузен Дженни, в буфете пусто, не считая баночек с крупой и сахаром. Лучшее средство против голода есть сон, благоразумно решает философ и идет в спальню. Холод донимает его, оттого он отказывается от идеи снять пальто и ложится в кровать прямо так, сделав предварительно несколько глотков из бутылки виски, припрятанной под подушкой (не вводи в искушение малых сих! Де Селби, неукоснительно следуя этому правилу, старался избавить служанку, эту слабую – как всякая представительница прекрасного пола – женщину, от прямого контакта с алкоголем. «Социальная ответственность», – так бы мы сегодня назвали высокие принципы поведения мыслителя). Уже через несколько минут коттедж наполняется звуками, обычно сопровождающими сон нашего утомившегося джентльмена.

xii

«Ящик». Ящик был вынесен штормом на берег в понедельник утром, а уже во вторник о происшествии знала вся округа. Дело было так. Мальчик, который обычно собирал камушки на пляже (его посылал туда отец-ремесленник, изготовлявший из местной гальки вполне изящные украшения; в сезон их охотно раскупали туристки), обнаружил новехонький ящик, казалось, совсем не пострадавший от стихии. Он попытался его открыть, однако поверхность была настолько гладкой, а доски так ловко пригнаны одна к другой, что сорванец не нашел ни одной щели, чтобы просунуть туда лезвие своего перочинного ножика. О, этот ножик был его гордостью, мне хотелось бы когда-нибудь рассказать его историю: о том, как мальчугану пообещали подарок за хорошие оценки в школе, как он смог уговорить одноклассника написать за него контрольную работу, как учительница, проверив ответы, не смогла сдержать слез, и пришлось воспользоваться не очень чистым носовым платком, как одноклассник потребовал расчета сразу после триумфального урока, но был нещадно бит и ушел восвояси, ничего не получив, как наш герой вернулся домой и гордо положил тетрадь с оценкой на грубый деревянный стол, сколоченный отцом сразу после выхода из тюрьмы, куда он попал за ничтожную провинность, тоже мне правосудие, как тот же самый отец дрожащими руками лихорадочно листал страницу за страницей, пока не нашел искомое, как мать обняла своего сынулю и сказала, что, наверное, он пойдет в университет и станет врачом, как отец возразил, что, мол, не врачом, а адвокатом, как вспыхнула ссора, которую пришлось унимать воплем «Ножик-ножик-ножик-ножик-ножик!!!!!!», как отец в сердцах швырнул тетрадь на стол и отправился в соседний ломбард менять бусы, изготовленные им из гальки, на перочинный ножик, заложенный по пьяни ловцом устриц, как он вернулся и вручил приз мальчугану, а тот потом, задыхаясь от счастья, бежал по берегу и кричал во весь голос: «Дураки! Дураки! Дураки!», но я не буду ничего этого рассказывать, так как речь идет о ящике, а не о ножике, и вообще, с критическим реализмом давно покончено. Итак, открыть ящик не получилось, и за дело взялись взрослые. Чего только не пошло в ход! Ножи, топоры, молотки, зубила; один моряк даже попробовал несговорчивый предмет на зуб, после чего сказал: «Важное дерево, однако». Все тщетно. После того, как загадка оказалась – в прямом смысле этого выражения – не по зубам народным массам, за дело взялось образованное сословие. Местный аптекарь извел на ящик несколько мензурок зловонной жидкости, но она стекала по идеально ровной поверхности, не оставляя никаких сле-

дов. Офицеры полиции расстреливали загадочный предмет из табельного оружия, но пули отскакивали от него, будто от титановой брони новейших лимузинов. Пытались его и взрывать, но ничего, кроме грохота и воронок на берегу, где проводились испытания, из этого не вышло. За властью светской последовала духовная. Ящик окуривали благовониями, над ним читались проповеди, его возносили и проклинали – все тщетно. Он стоял – новехонький, идеально ровный, загадочный и самодостаточный. На остров зачастила пресса, Би-би-си прислала сюда своего корреспондента, который пообещал вернуться через пару месяцев со съемочной группой и подарками для местных жителей. Впрочем, своего обещания он не сдержал. То ли не нашлось денег на изготовление очередного занимательного солидно-британского документального фильма, где презентер (по возможности, известный актер, скажем, Стивен Фрай) поведает публике обо всем, что необходимо знать по столь важному и любопытному поводу, то ли просто о ящике забыли. Скорее всего, последнее. На острове начался туристический сезон, повалили розовотелые алкоголики-британцы, доброжелательные брюхатые русские со своими стервозными подругами, шумные немцы, молчаливые скандинавы, пьющие не меньше британцев и русских, но как-то незаметно, учтиво для окружающих, и стало не до удивительной находки. Ящик отнесли в дом начальника полиции; хозяин распорядился поставить его в угол одного из многочисленных сараев, забитых старыми велосипедами, инвентарем для парусных гонок и прочей курортной параферналией. После чего о нем забыли, забыли навсегда. А зря. Однажды ночью ящик открылся, сам по себе, безо всякой помощи; внутри него лежала огромная книга в сафьяновом переплете, на обложке огромными светящимися буквами было выведено «Де Селби». Если бы кто-нибудь открыл эту магическую книгу, то обнаружил бы, что она состоит из чистых листов бумаги. Ни слова, ни буквы, кроме тех, что горели серебряным светом на обложке. Но, как я уже говорил, этого никто не видел.

xiii

«ПРОСТРАНСТВО». Как заметил уже, наверное, читатель, философия де Селби строится вокруг понятия «пространства»; «время» же наш мыслитель совершенно блистательным образом игнорирует. Это можно объяснить самыми разными способами, приведя множество противоречащих друг другу резонов – а можно ограничиться одним, но самым сокрушительным доводом. Де Селби ненавидел время. Для него не было большего врага, философ не только никогда не носил часов и не имел их в доме, он не выносил самого их присутствия. Немногочисленные друзья и (увы) еще более немногочисленные поклонники его сочинений старались убирать все приборы, измеряющие время, при первом же приближении мэтра. Если де Селби звали в гости, первым делом хозяина было проверить, не оставил ли кто брегет на каминной доске, не раздастся ли предательский бой, приглушенный дверцей шкапа, куда сослали дедовские еще часы с кукушкой, которая, впрочем, уже давно откуковала свое и лежит, безгласная, в ящике с игрушками, оставленном младшим отпрыском благородного семейства по выходе из поры детства. Да, интересно было бы узнать, где сейчас та кукушка, ловко вырезанная из хорошего дерева мастером в далеком немецком городе, куда в старые-добрые времена (ушедшие, черт возьми, так далеко!) приплывали корабли со всего мира и где в порту толпились довольные разноязыкие матросы: их уже окружали местные красавицы, наскучившие обществом земляков и сограждан: на лицах радость встречи, ожидание праздника, в дыхании толпы уже завелся неслабый такой спиритуоз, на набережной играет оркестр, мальчик из хорошей семьи теребит папу за рукав и спрашивает: «Папа! Папа! Почему эти тети не оделись как следует? Им же холодно!», но отец фамилии не отвечает, а только пытается отвлечь внимание мальчика на обезьянку, которой потешает почтеннейшую публику одноногий загорелый кок (мало ему попугая на плече!). Но вернемся к визиту де

Селби. Вот он сидит в гостях, жаркое съедено, портвейн выпит, сонное добродушие витает в воздухе. Хозяйка уже не хлопочет возле стола, а томно перебирает клавиши фортепьяно, модная в этом сезоне песенка наигрывается ею с изящным простодушием селянки, хозяин пускает колечки из своей трубки, наш мыслитель дремлет. Его алый нос опущен на тщедушную грудь обитателя философских эмпирей, глаза полузакрыты, левая рука, упрямо держащая пустую рюмку, подрагивает. Ничто, кажется, не может вернуть его к беседе, коей он с наслаждением предавался еще каких-нибудь десять минут назад. Время действительно не присутствует в этой картине, оно не то чтобы спрятано в шкап или засунуто в ящик комода среди вороха розовых атласных панталон милой хозяюшки (а какой там стоит запах лаванды! О, эти простые нравы старины!), нет, его просто нет. Здесь существует только пространство, которое можно измерить сантиметрами и метрами – скажем, расстояние между креслом, где мирно посапывает де Селби, и буфетом, который осторожно открывает хозяин, чтобы достать оттуда заначенную верную бутылочку ямайского рома, равняется трем метрам и семнадцати с половиной сантиметрам, если считать от одной ножки до другой. Но чу! услышав предательское позвякивание бутылки, извлекаемой из-за стопки тарелок, наш философ мгновенно стряхивает с себя сон, вот он уже во всеоружии и готов продолжить дружескую беседу, хозяйка уступает несколько старомодной (но столь милой!) мужской солидарности и отправляется наверх, проверить, улеглись ли дети. Впереди долгая ночь, ночь разговоров о пространстве жизни, не испорченном влиянием злокозненного времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.